

Региональная политика России на Дальнем Востоке: обзор актуальных исследований

Уходящая корнями в XIX в. проблема развития Дальнего Востока приобрела в современной России особую актуальность. Разведанные и относительно легко извлекаемые месторождения углеводородов и цветных металлов, доходы от экспорта которых составляют не менее половины государственного бюджета, скоро будут исчерпаны, а новые потенциальные участки расположены на востоке страны. Кроме того, в 2010-е гг. резко ухудшились отношения с Европой, ранее основным экономическим партнёром России, поэтому т.н. "поворот на Восток" приобрёл как экономический, так и политико-дипломатический характер.

В данной статье мы производим краткий обзор исследований региональной политики России на Дальнем Востоке в 2010-е гг. (основных научных центров, авторов, публикаций), сосредотачиваясь на политологических аспектах этого предмета. По большей части, его исследуют представители экономической географии и пространственной экономики, которые не ставят напрямую политологические вопросы, однако многие их работы содержат значимые для политологии наблюдения и выводы, а их оценки территориальной политики России в целом весьма полезны для понимания дальневосточных процессов.

Проблема развития Дальнего Востока представляет существенный интерес не только для российских авторов, но и для иностранных учёных и правительств: для европейских и американских – поскольку политика санкций привела к углублению сотрудничества России со странами Восточной Азии, прежде всего с Китаем, а это вовсе не тот результат, который хотели получить западные правительства, для азиатских – поскольку поворот России на Восток влечёт за собой и новые возможности, и новые риски. Мы производим обзор публикаций на русском и английском языках. В немалом количестве они выходят и на языках Восточной Азии, но их оценку лучше оставить специалистам со знанием этих языков. Отметим лишь, что в Китае центром соответствующих исследований является Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, в Японии – Центр славяно-евразийских исследований университета Хоккайдо, в Южной Корее – Корейский институт международной экономической политики, этой темой также углублённо занимается Сон Вон Ён, профессор Инчхонского национального университета и член Президентского комитета Республики Корея по экономическому сотрудничеству на северном направлении.

Московская школа проводит обобщающие исследования пространственного развития и региональной политики России, в которых Дальний Восток выступает одним из кейсов. Наиболее активны в этой сфере специалисты Института системного анализа ФИЦ ИУ РАН. А. Н. Швецов подчёркивает лидирующую роль государственной власти в формировании и преобразовании социоэкономического пространства России, по крайней мере, в последние три столетия. Сегодня правительство России пытается восстановить жёсткое советское управление регионами, что мало соответствует современной ситуации [23]. По его мнению, региональная политика России, в особенности, дальневосточная, разрабатывается и реализуется, исходя в большей степени из

© Козлов Л. Е., 2020

КОЗЛОВ Леонид Евгеньевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). E-mail: kozlov.le@dvvfu.ru

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-014-00012 "Влияние региональной политики на международную интеграцию периферийных территорий (на примере стран Северо-Восточной Азии)"

экспортных интересов государственных корпораций и внешнеполитических амбиций правительства, чем из интересов устойчивого развития нации и из рекомендаций пространственной экономики и экономической географии [24]. А. Н. Швецов весьма сдержанно оценивает особые экономические зоны как инструмент регионального развития и считает, что федеральные чиновники возлагают на них нереальные ожидания и что дальневосточные "территории опережающего развития" скорее будут чёрными дырами, высасывающими ресурсы региона размещения, чем точками роста [22].

В. Н. Лексин полагает, что все проблемы Дальнего Востока имеют не внутрорегиональное происхождение, но порождены общими постсоветскими проблемами России, её внешней, экономической и социальной политикой. В целом позитивно оценивая "поворот на Восток", он призывает к тому, чтобы развитие Дальнего Востока и Байкальского региона стало первым шагом в решении системных проблем территориального развития России, прежде всего, социально-экономической связности территории страны с севера на юг и с запада на восток. Одностороннее усиление внешнеэкономического потенциала Дальнего Востока лишь ускорит дезинтеграцию России [10].

О. В. Кузнецова разработала оригинальную концепцию факторов развития регионов, согласно которой государственная политика и качество управления являются хотя и важными, но всё же не столь значимыми факторами, как место региона в общей системе территориальной организации страны, тип освоения и уровень развития региона, экономико-географическое положение, природные условия и ресурсы, состав населения, структура расселения, уровень развития и особенности хозяйства [8]. По её мнению, Дальний Восток занял ключевое место в региональной политике центра в 2010-е гг., и эта политика, наряду с развитием инфраструктуры добычи и транспортировки углеводородов на Востоке России, усилила интерес иностранных инвесторов к региону. Впрочем, новые инструменты развития привлекают в регион российский капитал в заметно большей степени, чем иностранный. Основными препятствиями для последнего являются низкая ёмкость местного рынка и плохая инфраструктура [7].

Сотрудник географического факультета Московского государственного университета Н. В. Зубаревич выделяет выравнивающий, стимулирующий и геополитический приоритеты региональной политики. По её оценке, в 1990-е гг. Россия придерживалась выравнивающего приоритета, перераспределяя доходы от экспорта нефти и газа в условиях сверхцентрализованной системы управления. В 2000-е гг. возобладали геополитический приоритет, при котором основные усилия центра направлены на обеспечение безопасности и удержание территорий, имеющих международное значение (в случае России – Дальний Восток, Крым, Калининградская область, Северный Кавказ). Это самый затратный вид региональной политики, к тому же государственные инвестиции в инфраструктуру таких регионов не слишком побуждают частных инвесторов приходить туда. Главным иностранным источником инвестиций для Дальнего Востока после 2014 г. стал Китай, который, возможно, будет более жёстко диктовать свои правила игры, потому что инвестиционные альтернативы России резко сузились [31].

В Государственном университете – Высшей школе экономики о развитии Дальнего Востока размышляет группа исследователей под руководством С. А. Караганова. Связанные с С. А. Карагановым Совет по внешней и оборонной политике и Международный дискуссионный клуб "Валдай" тоже включают дальневосточный вопрос в свою повестку, впрочем, они скорее ориентированы на разработку новой государственной стратегии и идеологии, чем на теоретические изыскания. По мнению сотрудника ГУ-ВШЭ И. А. Макарова, в связи с быстрым экономическим ростом азиатских стран у Дальнего Востока появились новые возможности, но нужна новая система управления регионом, чтобы их реализовать. В подходе центра к развитию Дальнего Востока произошёл решительный сдвиг от политики безопасности к поиску возможностей. При этом многочисленные проблемы региона сохраняются и решаются не слишком быстро, а лоббизм и сиюминутные политические выгоды зачастую влияют на дальневосточную политику России в ущерб долгосрочным национальным интересам [14].

В центре внимания Института экономики и организации промышленного производства СО РАН в Новосибирске находится развитие Сибири, но нередко ему требуется рассматривать сибирские сюжеты в увязке с дальневосточными. Наиболее предметно на эту тему в ИЭОИП высказывается В. Е. Селиверстов. Он замечает, что центр оказывает Дальнему Востоку существенно больше внимания, чем Сибири, хотя экономика Сибири намного превышает дальневосточную по объёму. По его мнению, ориентация Дальнего Востока сугубо на рынки АТР не соответствует национальным интересам России: следует формировать на территории Сибири и Дальнего Востока единое экономическое пространство, работающее, в первую очередь, на общероссийский рынок. Основной риск текущей политики центра состоит в усилении зависимости региона от Китая и закреплении сырьевого характера российского экспорта в Китай. Региональная политика в Сибири и на Дальнем Востоке разрабатывается в интересах крупного бизнеса, в ней практически отсутствуют меры по повышению социальной привлекательности этого макрорегиона [19].

В Институте экономических исследований ДВО РАН в Хабаровске первостепенное значение для понимания дальневосточной политики России имеют труды П. А. Минакира, который отмечает преемственность и историзм этой политики, предлагает её периодизацию, обобщает её традиционные проблемы и подходы. В соавторстве с О. М. Прокапало он показывает, что наилучших результатов Дальний Восток достигал в те периоды, когда государство совмещало внешнеэкономические цели и использование централизованных ресурсов с целями эндогенного воспроизводства в самом регионе, а наименее удачными были периоды, когда государство преследовало сугубо колониальную цель извлечения максимальной прибыли. Сегодня центр, продолжая эксплуатировать транзитные мощности и природные ресурсы Дальнего Востока, пытается воссоздать здесь диверсифицированную экономику [12]. П. А. Минакир также касается вопросов идеологии и общественного восприятия дальневосточной политики России. Сопровождавшая эту политику в 2014–2018 гг. массивная пропагандистская кампания сформировала устойчивые ожидания быстрых и положительных перемен в экономике и в социальной сфере среди широких слоёв населения и бизнесменов. Этих изменений не произошло, что сильно разочаровало местное общество и, среди прочего, привело к протестному голосованию на губернаторских выборах [11].

Другой сотрудник ИЭИ ДВО РАН Д. А. Изотов доказывает, что стратегические решения правительства по Дальнему Востоку в 2010-е гг. повторяют широко известные специфичные меры зарубежных стран, подобных России, с высокой долей природной ренты в экономике, в частности, масштабные инвестиции в инфраструктуру, создание территорий с особым экономическим статусом, привлечение и укрепление населения. Более успешные экономики от подобных мер уже отказались [5].

В. К. Заусаев из ДальНИИ рынка (ныне Восточный центр государственного планирования) считает, что в условиях свободного рынка экономика Дальнего Востока стремится к концессионному и вахтовому сценарию развития, что порождает значительные проблемы для национальной безопасности, в том числе сокращение населения и усиление сырьевой специализации на фоне быстро развивающегося Китая. Если центр будет пытаться перераспределять доходы сырьевых компаний в перерабатывающие производства, это не найдёт понимания у крупных иностранных компаний. В. К. Заусаев настаивает, что Дальний Восток не является обузой для страны. Хотя регион требует значительных государственных инвестиций на инфраструктурное обустройство, высокоэффективные добывающие проекты, типа "Сахалин-1" и "Сахалин-2", могут обеспечить не только его текущее существование, но и инвестиции в обрабатывающий сектор [4].

Во Владивостоке проводится много исследований по региональной политике России, которые, правда, носят разрозненный характер. Одним из центров этих исследований является Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. В коллективной монографии под ред. В. Л. Ларина "Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века" выделяются геополитические, экономические, военно-стратегические и идеологические основания активной политики центра по развитию Дальнего Востока. По мнению авторов, в 1990-е гг. пра-

вительство России пожертвовало отношениями с Азией и развитием Дальнего Востока по причине европоцентризма и скудости бюджета, но как только оно получило достаточные финансовые средства и рычаги влияния на регионы, Дальний Восток вошёл в число территориальных приоритетов. В течение тридцати лет, начиная с Долговременной программы 1987 г., политика развития Дальнего Востока была малоэффективной, но к этому следует относиться с пониманием, ведь системный масштаб проблем макрорегиона требует многолетнего воздействия, а не кампанейских методов и сверхконцентрации ресурсов [20].

А. Е. Савченко изучает развитие Дальнего Востока сквозь призму геополитической теории Р. Коллинза и теории инфраструктурной власти М. Манна. Сравнивая внутренние и международные факторы развития региона, периоды программно-целевой политики и периоды опоры на частный капитал, он приходит к выводу, что Дальний Восток является классическим примером геополитического перенапряжения империи и с трудом будет поддаваться любому стимулирующему воздействию центра [15]. Также он указывает на схожесть Дальнего Востока России и Северо-Востока Бразилии как объектов региональной политики [16].

С. К. Песцов и А. Б. Волынчук на примере дальневосточной политики России делают выводы об общем содержании, основных подходах и принципах российской региональной политики. По их мнению, в настоящее время эта политика использует архаические меры вековой давности и более поздние, но тоже теряющие свою актуальность методы. Центр не прислушивается к рекомендациям т.н. подхода, основанного на возможностях мест (place-based approach), популярного в развитых странах, и эволюционирует по пути, отличном от общемировых трендов, что консервирует на неопределённое время положение Дальнего Востока как слабоосвоенной периферийной территории [13].

Сотрудники Дальневосточного федерального университета в своих исследованиях пользуются таким преимуществом, как возможность посещать Восточный экономический форум и многие другие публичные мероприятия по теме регионального развития, проводимые в университетских стенах, где они сами часто выступают в качестве экспертов. С. В. Севастьянов полагает, что инфраструктура саммита АТЭС-2012 позволила Владивостоку стать одним из значимых центров международного сотрудничества и окном России в АТР. Саммит продемонстрировал понимание руководством России масштаба дальневосточных проблем и готовность к их решению. Неприятие действенных мер по развитию региона делает реальным геополитический риск его экономического отторжения более успешными соседями [17]. Также С. В. Севастьянов в соавторстве с А. А. Кравчуком доказывает необходимость согласованного развития Дальнего Востока и Арктики, анализируя сопряжение проектов по добыче в Арктике углеводородов и их обработке на юге Дальнего Востока, расширение мощности Северного морского пути и увязанного с ним судостроения в Приморском крае, подготовку кадров для арктических проектов в ДВФУ [18].

Центральной проблемой монографии А. Л. Лукина и его американского соавтора Р. Ли "Дальний Восток России. Новая динамика в АТР и за его пределами" является растущее экономическое и политическое влияние Китая на Россию в целом и Дальний Восток в частности. В монографии рассматриваются исторические тенденции освоения Дальнего Востока, текущая экономическая и политическая динамика, место региона среди приоритетов территориального развития России, специфика внешних связей региона, влияние украинского кризиса и западных санкций на траекторию развития Дальнего Востока и на баланс международных отношений в Северо-Восточной Азии. Авторы рекомендуют правительству США преодолевать разногласия с Россией и подключиться к развитию Дальнего Востока, пока экономика России не стала чересчур зависимой от Китая [27].

А. А. Киреев изучает политику Москвы в отношении Дальнего Востока в аспекте государственного регулирования трансграничных связей региона: миграционных, внешнеторговых и инвестиционных. По его мнению, пограничная политика центра в очень ограниченной степени стимулирует разви-

тие Дальнего Востока. Главным её изъяном автор называет устойчивое преобладание приоритета безопасности над целями развития региона [6].

Автор данного обзора сосредотачивается на изучении взаимосвязи международных отношений России со странами СВА и региональной политики России на Дальнем Востоке. По нашему мнению, в региональной политике России социально-экономические задачи, задачи внутренней стабильности и безопасности и рентоориентированное поведение чиновников образуют единый конгломерат факторов, который далеко не полностью представлен в публичных документах и заявлениях политиков. Делая поправку на дихотомию декларативной и реальной региональной политики, не следует излишне критиковать последнюю за неэффективность: экспортные задачи сырьевых корпораций она решает довольно успешно, а управляемость Дальнего Востока посредством сочетания стимулирующих, рестриктивных и репрессивных мер поддерживается [26].

В Тихоокеанском институте географии ДВО РАН П. Я. Бакланов исследует геополитические факторы развития Дальнего Востока. Он считает, что уникальные возможности этому макрорегиону даёт его геополитическое положение, в том числе широкий выход к морям, выход к самым влиятельным странам мира (КНР, США, Японии), многоуровневая трансграничность. Впрочем, многие структурные звенья территориальных социально-экономических систем Дальнего Востока отличаются большой инерцией, что затрудняет управление их развитием [2].

Другой сотрудник ТИГ ДВО РАН Ю. А. Авдеев специализируется на демографических аспектах развития Дальнего Востока. По его мнению, многочисленные меры центра по преодолению негативных демографических тенденций пока малоэффективны. В северных районах Дальнего Востока вахтовый метод является неизбежным следствием рыночной экономики, но в южных районах внешняя миграция вполне может стать драйвером устойчивого развития. В 2010-е гг. Дальний Восток, по не зависящим от российских властей рыночным причинам, значительно потерял в привлекательности для мигрантов из Северо-Восточной и Центральной Азии, поэтому сегодня здесь требуется более либеральный миграционный режим, чем это предусмотрено федеральным законодательством, чтобы остановить сокращение постоянного населения [1].

Во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса особый интерес представляют публикации А. П. Латкина. Задолго до эксцессов на дальневосточных выборах 2018 г. он указал на то, что эффективное политическое управление Дальним Востоком требует существенного улучшения качества жизни, включая сравнительную стоимость питания, социально-бытового и коммунального обслуживания, здравоохранения и образования. Продолжающийся отток дальневосточников в Центральную Россию закономерен и свидетельствует о низкой результативности региональной политики центра [9].

В 2016 г. в ДВФУ защитил диссертацию по региональной политике России сотрудник Северо-Восточного федерального университета (Якутск) Н. А. Григорьев. Согласно его выводам, на Дальнем Востоке закрепились корпоративная модель взаимодействия региональных и муниципальных органов власти с финансово-промышленными группами, в которой первые имеют мало возможностей влиять на реализацию корпоративных инвестиционных проектов и на деятельность "территорий опережающего развития". В Якутии в рамках этой системы задачи создания крупных промышленно-энергетических районов решались в 2010-е гг. безуспешно, однако республиканский бюджет всё равно остался дотационным. Одной из оригинальных и, на наш взгляд, справедливых рекомендаций автора по развитию Дальнего Востока является поддержка политической конкуренции на региональных выборах, содействие диверсификации региональных политических сил, что, правда, не укладывается в логику сверхцентрализованной региональной политики России последнего десятилетия [3].

Азиатские и европейские авторы опубликовали за последнее десятилетие несколько больших трудов, основанных на хорошем знании дальневосточной эмпирики. Как правило, в этом деле они сотрудничают с учеными из Владивостока или Хабаровска. Обзор более ранней англоязычной (преимуще-

ственно, американской) литературы представлен в статье Е. Н. Чернолуцкой [21].

В норвежской монографии "Поворот России на Восток", среди соавторов которой присутствует ещё один специалист ДВФУ Т. Г. Троякова, Дальний Восток рассматривается в контексте генерального стремления России к экономическому развитию и безопасности. Главный вывод работы состоит в том, что ключевые политические инициативы, направленные на развитие региона, были сформулированы задолго до кризиса в отношениях России и Запада, равно как и задолго до этого началось сближение России и Китая. Некоторые дипломатические успехи в "повороте на Восток" были достигнуты, однако в посткрымский период инвестиции России в развитие Дальнего Востока неуклонно сокращались и не имели большого успеха, так что говорить об уходе России из Европы в Азию пока рано. Главный редактор монографии Х. Блэкируд указывает на то, что подход Москвы к управлению Дальним Востоком и к переориентации России на отношения со странами Восточной Азии базируется на традиционных принципах постсоветской бюрократии, а именно: государство является лидером в модернизации и экономическом развитии, реформы должны идти по некоему стратегическому плану, желательно в форме целевых программ. В то же время такой этатизм часто сосуществует с ручным управлением, когда высшие должностные лица страны вынуждены участвовать в решении частных региональных проблем [29].

Монография "Политэкономия Тихоокеанской России" подготовлена сотрудниками Национального университета Сингапура с привлечением экспертов из России, Китая, Южной Кореи, Японии, Норвегии. Авторы исследуют геоэкономическое и геополитическое положение "Тихоокеанской России", а также анализируют основные факторы развития региона и механизмы, которые позволяют интегрировать его в Азию. Они утверждают, что такое развитие имеет большое значение для диверсификации российской экономики, но этот поворот в Азию далеко не завершён. Рассматривая роль международного сотрудничества в развитии Дальнего Востока и Сибири, они приходят к выводу, что Россия выиграет от того, что "поворот на Восток" будет действительно международным и многосторонним. В любом случае, интеграция России в АТР началась, а кризис в отношениях между Россией и Западом лишь придал ей ускорение [30].

С. Малле (университет Вероны) и Дж. Купер (университет Бирмингема), анализируя смещение вектора территориального развития России на восток, приходят к выводу, что ускоренное развитие Дальнего Востока – это ответ России на возвышение Китая. Они указывают на то, что укрепление обороны и развитие Востока России стали главными приоритетами правления Путина. Авторы отмечают доминирование государства в территориальном развитии России и не отрицают, что оно может достигать положительных результатов, но считают, что это весьма затратная стратегия, а больший эффект дали бы равноправный диалог центра с региональными администрациями и бизнесом и расширение полномочий регионов в выборе и поддержке льготами проектов развития [28].

Я. Адда (университет Женева), собравший на Дальнем Востоке большой массив социологических материалов, доказывает, что в 1990–2000-е гг. Москва была неспособна разработать эффективную политику на Дальнем Востоке и вызвала много разочарований у местного населения. Однако в течение ближайших десятилетий этот регион останется стратегическим приоритетом для Москвы. Опираясь на теорию хартленда, он делает вывод о том, что Россия будет постепенно переходить из состояния европейской державы, имеющей владения в Азии, в принципиально иное геополитическое состояние, связанное с изменением менталитета россиян, социально-экономической политики центра и его дипломатических стратегий [25].

Представленный обзор позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, принципиальная активизация внешней и региональной политики России на восточном направлении не подвергается сомнению как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Во-вторых, эффективность региональной политики России на Дальнем Востоке почти все авторы оценивают более или менее критично. Многие указывают на то, что на практике она, главным образом, отражает интересы крупного российского бизнеса, а развитие такой слож-

ной и инерционной социально-экономической системы, как регион, находится на переднем плане лишь в декларативных и программных государственных документах. В-третьих, большинство представленных авторов не занимается дальневосточной политикой России в качестве основной своей темы или не является политологами. Существует явный дефицит долгосрочных политических исследований, имеющих целью установление новых закономерностей и выработку новых научных законов на базе дальневосточной эмпирики, проведение межстрановых сравнений, построение работающих в различных государствах и исторических периодах моделей.

Литература

1. Авдеев Ю. А. О демографической политике для российского Дальнего Востока // *Статистика и Экономика*. 2017. № 6. С. 59–68.
2. Бакланов П. Я. Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // *Известия РАН. Серия географическая*. 2015. № 5. С. 8–19.
3. Григорьев Н. А. Государственная региональная политика на Дальнем Востоке в системе отношений "центр-регион": дисс. ... канд. пол. наук: 23.00.02. Якутск, 2015. 157 с.
4. Заусаев В. К. Дальний Восток России: бросок в глобализацию или государственный патернализм? // *ЭКО*. 2014. № 3. С. 105–114.
5. Изотов Д. А. Ускорение экономики Дальнего Востока: помогут ли новые институты? // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2018. № 2. С. 155–163.
6. Киреев А. А. Пограничная политика России на Дальнем Востоке: динамика задач и результатов // *Проблемы Дальнего Востока*. 2017. № 3. С. 95–108.
7. Кузнецова О. В. "Восточный вектор" инвестиционных связей России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 2. С. 47–56.
8. Кузнецова О. В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М.: URSS, 2013. 392 с.
9. Латкин А. П. Сравнительная стоимость жизни как ключевой фактор развития российского Дальнего Востока // *Территория новых возможностей. Вестник ВГУ-ЭС*. 2017. Т. 9, № 3. С. 47–56.
10. Лексин В. Н. Региональная политика России и ее "восточный вектор" // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2014. Т. 7. № 4. С. 33–48.
11. Минакир П. А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15, № 1. С. 7–17.
12. Минакир П. А., Прокапало О. М. Централизация и автономизация как факторы социально-экономического развития Дальнего Востока России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Т. 10, № 6. С. 24–41.
13. Песдов С. К., Вольнчук А. Б. Стратегия развития Дальнего Востока: (не)типичный случай современной российской региональной политики // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10, № 3-1. С. 82–92.
14. Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / Отв. ред. И. А. Макаров. М.: Международные отношения, 2015. 447 с.
15. Савченко А. Е. Дальний Восток конца XX – начала XXI в. как "зеркало" системных проблем российского государства // *Россия и АТР*. 2017. № 4. С. 8–30.
16. Савченко А. Е. Региональная политика в России и Бразилии как поле для сравнительного исследования // *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. 2019. Т. 22. С. 147–158.
17. Севастьянов С. В. Проблемы и перспективы развития Дальнего Востока России после Владивостокского саммита АТЭС // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2013. № 1. С. 7–16.
18. Севастьянов С. В., Кравчук А. А. Ускоренное развитие Арктики и Дальнего Востока: синергия проектов // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2019. № 4. С. 7–21.
19. Селиверстов В. Е. Три вектора пространственной конфигурации Сибири и Дальнего Востока и роль Китая на востоке России // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2014. Т. 7, № 4. С. 49–64.
20. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. В. Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
21. Чернолуцкая Е. Н. Англоязычная историография о политических трансформациях на Дальнем Востоке России в 1990 – начале 2000-х гг. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10, № 3-1. С. 114–123.

22. Швецов А. Н. Инструменты политики поляризованного пространственного развития // Федерализм. 2018. № 1. С. 82–103.
23. Швецов А. Н. Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства // Пространственная экономика. 2015. № 1. С. 38–61.
24. Швецов А. Н. Совершенствование региональной политики: концепции и практика. М.: КРАСАНД, 2010. 320 с.
25. Adda, Iacopo. L'Extreme-Orient russe: un acteur central dans le glissement de la Federation de Russie a l'Est / Global Studies Institute de L'Universite de Geneve. Collection Euryopa. Vol. 84. Geneve, 2015. 143 p.
26. Kozlov L., Volynchuk A. Dichotomy of Declarative and Real Regional Politics in Modern Russia // Journal of Politics and Law. 2019. Vol. 12, No. 5. P. 118–128.
27. Lee R., Lukin A. Russia's Far East. New Dynamics in Asia Pacific and Beyond. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 2016. 276 pp.
28. Malle S., Cooper J. The pendulum moves from Europe to Asia. Modernizing Siberia and the Far East. Economic and security issues // Journal of Eurasian Studies. 2014. No. 5. P. 21–38.
29. Russia's Turn to the East. Domestic Policymaking and Regional Cooperation. Eds. H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe. London: Palgrave Pivot, 2018. 167 p.
30. The Political Economy of Pacific Russia. Regional Developments in East Asia. Eds. Jing Huang, A. Korolev. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 268 p.
31. Zubarevich N. Geopolitical Priorities in Russia's Regional Policies. Opportunities and Risks // Russian Politics & Law. 2015. Vol. 53, Issue 5-6. P. 44–62.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Avdeev Yu. A. O demograficheskoy politike dlya rossijskogo Dal'nego Vostoka // Statistika i Ekonomika. 2017. № 6. S. 59–68.
2. Baklanov P. Ya. Tikhookeanskaya Rossiya: geograficheskie i geopoliticheskie faktory razvitiya // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2015. № 5. S. 8–19.
3. Grigor'ev N. A. Gosudarstvennaya regional'naya politika na Dal'nem Vostoke v sisteme otnoshenij "tsentr-region": diss. ... kand. pol. nauk: 23.00.02. YAKutsk, 2015. 157 s.
4. Zausaev V. K. Dal'nij Vostok Rossii: brosov v globalizatsiyu ili gosudarstvennyj paternalizm? // ЕНКО. 2014. № 3. S. 105–114.
5. Izotov D. A. Uskorenie ehkonomiki Dal'nego Vostoka: pomogut li novye instituty? // Zhurnal novoy ehkonomicheskoy assotsiatsii. 2018. № 2. S. 155–163.
6. Kireev A. A. Pogranichnaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke: dinamika zadach i rezul'tatov // Problemy Dal'nego Vostoka. 2017. № 3. S. 95–108.
7. Kuznetsova O. V. "Vostochnyj vektor" investitsionnykh svyazey Rossii // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. T. 62, № 2. S. 47–56.
8. Kuznetsova O. V. Regional'naya politika Rossii: 20 let reform i novye vozmozhnosti. M.: URSS, 2013. 392 s.
9. Latkin A. P. Sravnitel'naya stoimost' zhizni kak klyuchevoj faktor razvitiya rossijskogo Dal'nego Vostoka // Territoriya novykh vozmozhnostej. Vestnik VGUEHS. 2017. T. 9, № 3. S. 47–56.
10. Leksin V. N. Regional'naya politika Rossii i ee "vostochnyj vektor" // Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2014. T. 7, № 4. S. 33–48.
11. Minakir P. A. Dal'nevostochnye institutsional'nye novatsii: imitatsiya novogo ehtapa // Prostranstvennaya ehkonomika. 2019. T. 15, № 1. S. 7–17.
12. Minakir P. A., Prokapalo O. M. TSentralizatsiya i avtonomizatsiya kak faktory sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii // Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2017. T. 10, № 6. S. 24–41.
13. Pestsov S. K., Volynchuk A. B. Strategiya razvitiya Dal'nego Vostoka: (ne)tipichnyj sluchaj sovremennoj rossijskoj regional'noj politiki // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2018. T. 10, № 3-1. S. 82–92.
14. Povорот na Vostok: Razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyakh usileniya aziatskogo vektora vneshnej politiki Rossii / Otv. red. I. A. Makarov. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2015. 447 s.
15. Savchenko A. E. Dal'nij Vostok kontsa XX – nachala XXI v. kak "zerkalo" sistemnykh problem rossijskogo gosudarstva // Rossiya i ATR. 2017. № 4. S. 8–30.
16. Savchenko A. E. Regional'naya politika v Rossii i Brazilii kak pole dlya sravnitel'nogo issledovaniya // Trudy Instituta istorii, arkheologii i ehtnografii DVO RAN. 2019. T. 22. S. 147–158.
17. Sevast'yanov S. V. Problemy i perspektivy razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii posle Vladivostokskogo sammita ATEHS // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2013. № 1. S. 7–16.
18. Sevast'yanov S. V., Kravchuk A. A. Uskorennoe razvitie Arktiki i Dal'nego Vostoka: sinerгиya proektov // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2019. № 4. S. 7–21.

19. Seliverstov V. E. Tri vektora prostranstvennoj konfiguratsii Sibiri i Dal'nego Vostoka i rol' Kitaya na vostoке Rossii // *Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. 2014. T. 7, № 4. S. 49–64.
20. Tikhookeanskaya Rossiya v integratsionnom prostranstve Severnoj Patsifiki v nachale XXI veka: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodejstviya / pod red. V. L. Larina. Vladivostok: IAEH DVO RAN, 2017. 386 s.
21. Chernolutskaya E. N. Angloyazychnaya istoriografiya o politicheskikh transformatsiyakh na Dal'nem Vostoке Rossii v 1990 – nachale 2000-kh gg. // *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2018. T. 10, № 3-1. S. 114–123.
22. Shvetsov A. N. Instrumenty politiki polarizovannogo prostranstvennogo razvitiya // *Federalizm*. 2018. № 1. S. 82–103.
23. Shvetsov A. N. Rol' gosudarstva v preobrazovanii sotsioekonomicheskogo prostranstva // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2015. № 1. S. 38–61.
24. Shvetsov A. N. Sovershenstvovanie regional'noj politiki: kontseptsii i praktika. M.: KRASAND, 2010. 320 s.
25. Adda, Iacopo. L'Extreme-Orient russe: un acteur central dans le glissement de la Federation de Russie a l'Est / *Global Studies Institute de L'Universite de Geneve. Collection Euryopa*. Vol. 84. Geneve, 2015. 143 p.
26. Kozlov L., Volynchuk A. Dichotomy of Declarative and Real Regional Politics in Modern Russia // *Journal of Politics and Law*. 2019. Vol. 12, No. 5. P. 118–128.
27. Lee R., Lukin A. Russia's Far East. New Dynamics in Asia Pacific and Beyond. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 2016. 276 pp.
28. Malle S., Cooper J. The pendulum moves from Europe to Asia. Modernizing Siberia and the Far East. Economic and security issues // *Journal of Eurasian Studies*. 2014. No. 5. P. 21–38.
29. Russia's Turn to the East. Domestic Policymaking and Regional Cooperation. Eds. H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe. London: Palgrave Pivot, 2018. 167 p.
30. The Political Economy of Pacific Russia. Regional Developments in East Asia. Eds. Jing Huang, A. Korolev. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 268 p.
31. Zubarevich N. Geopolitical Priorities in Russia's Regional Policies. Opportunities and Risks // *Russian Politics & Law*. 2015. Vol. 53, Issue 5-6. P. 44–62.

Козлов Л. Е. Региональная политика России на Дальнем Востоке: обзор актуальных исследований.

В статье производится обзор публикаций на русском и английском языках последнего десятилетия, в основном политологов, но также и специалистов по экономической географии и пространственной экономике, которые содержат значимые для политологии наблюдения и выводы. Принципиальная активизация внешней и региональной политики России на восточном направлении не подвергается сомнению в научной литературе, при этом эффективность данной политики все авторы оценивают более или менее критично. Существует дефицит долгосрочных политических исследований, имеющих целью выработку новых законов на основе дальневосточной эмпирики, проведение межстрановых сравнений, построение работающих в различных условиях моделей.

Ключевые слова: *региональная политика, пространственное развитие, Российский Дальний Восток, региональные исследования*

Kozlov L. E. Regional policy of Russia in the Far East: an overview of current research.

Our review covers publications in Russian and English of the last decade, mainly in the field of political science, but also of economic geography and spatial economics, which contain observations and conclusions that are significant for political science. The fundamental eastward shift of Russia's foreign and regional policies is not questioned in the academic literature, and all authors evaluate the effectiveness of this policy more or less critically. There is a shortage of long-term political research that would aim to develop new laws based on Far Eastern empiricism, make cross-country comparisons, and build models that work under different conditions.

Key words: *regional policy, spatial development, Russian Far East, regional studies*

Для цитирования: Козлов Л. Е. Региональная политика России на Дальнем Востоке: обзор актуальных исследований // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1. С. 88–97. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-1/88-97

For citation: Kozlov L. E. Regional policy of Russia in the Far East: an overview of current research // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 88–97. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-1/88-97

